
Е.В. Катерина
ВИЛЬМОНТ

Книги Екатерины Вильмонт:

- Путешествие оптимистки, или Все бабы дуры.
- Полоса везения, или Все мужики козлы.
- Три полуграции, или Немного о любви в конце тысячелетия.
- Хочу бабу на роликах!
- Плевать на все с гигантской секвойи. Умер-шмумер.
- Нашла себе блондина!
- Проверим на вшивость господина адвоката.
- перевозбуждение примитивной личности.
- Курица в полете.
- Здравствуй, груздь!
- Гормон счастья и прочие глупости.
- Бред сивого кобеля.
- Зеленые холмы Калифорнии. Кино и немцы.
- Два зайца, три сосны.
- Фиг с ним, с мавром! Зюзюка, или Как важно быть рыжей.
- Крутая дамочка, или Нежнее, чем польская панна.
- Подсолнухи зимой (Крутая дамочка-2).
- Зюзюка и другие (Сб.: Зюзюка, или Как важно быть рыжей; Зеленые холмы Калифорнии; Кино и немцы!).
- Дети галактики, или Чепуха на постном масле.
- Цыц!
- Девственная селедка.
- Мимолетности, или Подумаешь, бином Ньютона!
- Артистка, блин!
- Танцы с Варешкой.
- Девочка с перчиками.
- Шальный мальчик.
- Трепетный трепач.
- Прощайте, колибри, Хочу к воробьям!
- У меня живет жирафа.
- Черт-те что и сбоку бантик.
- Интеллигент и две Риты.
- Со всей дури!
- Фиг ли нам, красивым дамам!
- Сплошная лебедянь!
- А я дура пятая!
- Вафли по-шпионски.
- Шпионы тоже лохи.
- Дама из сугроба.
- Мужлан и флейтистка.
- Свои погрешности.
- Птицы его жизни.
- Рыжий доктор.

Екатерина

ВИЛЬМОНТ

**ДЕТИ
ГАЛАКТИКИ,**
*или Чепуха
на постном
масле*

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
В46

В оформлении используется картина
«The Critics» by Harold Harvey
Дизайнер — Екатерина Фerez

Иллюстрации — Виктория Лебедева

Фото автора на обложке — Светлана Стуканёва

Вильмонт, Екатерина Николаевна.

В46 Дети галактики, или Чепуха на постном масле /
Екатерина Вильмонт. — Москва : Издательство
АСТ, 2026. — 256 с. — (Гормон счастья. Романы
Екатерины Вильмонт).

ISBN 978-5-17-184580-3

Эта книга ни на что не претендует. Она, безусловно, лишь отчасти кулинарная, хотя в ней множество рецептов, но они никак не систематизированы и не объединены ничем, кроме моей жизни и моих личных пристрастий.

И мемуарами это тоже не назовешь, ибо все в ней слишком тяжеловесно и субъективно. Так что же это? Пожалуй, наиболее точное определение данного жанра — взгляд и нечто с гастрономическим уклоном. Надеюсь, скучно вам не будет.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-184580-3

© Вильмонт Е.Н., наследники, 2026
© ООО «Издательство АСТ», 2026

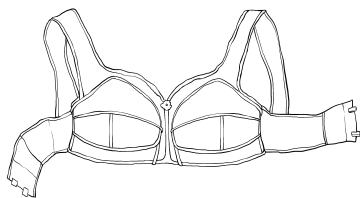
*Взгляд и нечто
с гастрономическим уклоном*

Мы — дети галактики! Это вдалбливалось нам в течение долгих лет. И если принять сие определение за аксиому, то многое становится понятным. Это ведь так удобно! Что нужно детям Галактики, субстанции весьма расплывчатой? Все человеческое им не просто ненужно, а прямо-таки чуждо! Ну зачем, скажите на милость, дочерям Галактики нужны, к примеру, нормальные лифчики или красная рыба? Перетопчутся, не люди же. А сыновьям за каким чертом нужна собственная машина? Ни на фиг, на ней же в Галактику не поедешь! Как-то в 60-е годы я прочла в газете, что вопрос о производстве все тех же пресловутых лифчиков взял на контроль сам председатель Совета Министров Косыгин. Ни больше, ни меньше. Надо отдать должное Алексею Николаевичу, этот больной вопрос все-таки с грехом пополам решили, но

зато сколько было подобных нерешенных вопросов, и если никто кроме премьер-министра не мог с этим справиться, то...

Короче говоря, нас объявили детьми галактики, но мы были скорее детьми дефицита, по истине космического. Но я все же решила назвать эту кулинарно-мемуарную книгу «Дети галактики».

Вероятно, многие люди, постоянно орущие о высокой духовности, меня осудят, но и Бог с ними. Ведь у этих людей, как правило, очень туго с чувством юмора. И нам с ними не по дороге, правда?

«Начнем, пожалуй!»

«Начнем, пожалуй!» Не случайно я начала эту книгу фразой из оперы. «Евгений Онегин», сцена дуэли. Дело в том, что бабушка, мамина мать, вместо сказок рассказывала мне сюжеты опер, поскольку дед мой был оперным певцом. У меня и сейчас есть его фотографии в роли Германа из «Пиковой дамы». Эдакий красавец в пудреном парике.

Отец вместо сказок читал мне Гоголя. «Вечера на хуторе близ Диканьки». Зато мама рассказывала сказки, правда, собственного сочинения. Бесконечную историю двух детей, Лизы и Вовы. Из этих сказок помню только, что там был какой-то пруд, где плавали «утята, утята, утята». Фраза про утят произносилась особенным голосом и сопровождалась щекоткой и моими восторженными визгами. Когда же я подросла и несколько лет болела, мама рассказыва-

ла мне сказку про меня взрослую и ничего более интересного придумать было нельзя. Ах, какие захватывающие приключения, какие потрясающие романы у меня там были... Мама частенько говорила, что если бы не советская власть, она стала бы прекрасной бульварной писательницей. Однако, все это лишняя болтовня. И надо поскорее объяснить читателям, почему я вдруг взялась за этот странный жанр.

Недавно за границей я встретила одного старого знакомого, с которым не виделась лет двадцать. Мы сидели, болтали обо всем на свете и вдруг он спросил с некоторой даже тоской:

— Катька, а ты еще печешь те крохотные пирожки? А вареники с вишнями делаешь? А рыбу под бешамелью?

— Нет, — сказала я, — давным-давно не делаю.

— Но почему?

— Некогда, я теперь книги пишу. Правда, в них иногда делюсь рецептами с читателями.

— Ну и дура! — воскликнул он в сердцах.

— Почему? — удивилась я.

— Зачем рассыпать рецепты по разным книгам? Лучше собери их в одну. Вспомни, что

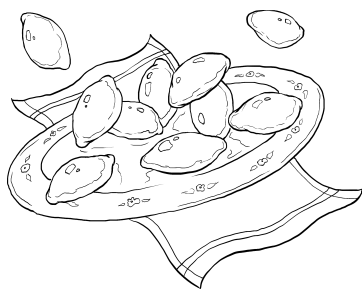
готовила, когда, при каких обстоятельствах. У тебя должно получиться занятно.

Тогда я только посмеялась над этой идеей.

Однако через несколько месяцев один молодой кинорежиссер, с которым мы подружились во время тщетных попыток написать вместе сценарий сериала, после обеда у меня посоветовал мне выпустить книгу «Рецепты от Вильмонт». «А почему бы и нет?» — подумалось мне. Сперва я решила, что буду давать рецепты и к ним маленькие рассказы о случаях, связанных с этими блюдами. А потом мне показалось, что куда интереснее, для меня, во всяком случае, проследить, как менялись кулинарные привычки и пристрастия с ходом нашей достаточно причудливой истории, не претендуя на абсолютную точность, руководствуясь лишь собственными воспоминаниями, ну и воспоминаниями моих друзей-ровесников. Память у меня вроде бы неплохая, поесть в доме моих родителей любили, да и я считаю хорошую вкусную еду одной из радостей жизни.

Предавшись воспоминаниям такого рода, я подумала, что не стану ограничивать себя только кулинарией, вспомню людей, бывавших

в нашем доме, друзей, соседей, а также смешные истории. Словом, никаких жанровых ограничений, и посему я выбрала подзаголовок, навеянный Козьмой Прутковым: «Взгляд и нечто с гастрономическим уклоном».

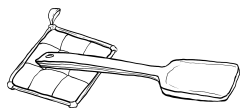

Детские радости

Я родилась в семье литераторов. Мой отец Николай Николаевич Вильям-Вильмонт был крупнейшим советским германистом, писателем и переводчиком. Имена Гёте, Шиллера, Лессинга, Томаса Манна я слышала с пеленок. Мама, Наталия Ман, известная переводчица в основном классической немецкой литературы, переводила и с французского («Лекарь поневоле» Мольера) и с английского (Джек Лондон, Арчибалд Кронин, Сомерсет Моэм). Кстати, с «Лекарем поневоле» связана одна забавная литературная шутка. Мама знала три европейских языка, хотя никогда с французского не переводила. А друг семьи, несравненный Николай Михайлович Любимов, переведший «Дон Кихота», «Гаргантюа и Пантагрюэль», «Декамерон» и многое столь же фундаментальное, никогда не переводил с немецкого. И вот эти корифеи советского перевода

решили малость схулиганить. Николай Михайлович, под редакцией которого выходил одно-томник Мольера, дал маме перевести «Лекаря», а папа, выпускавший в то же время Собрание сочинений Шиллера, дал Любимову перевести «Коварство и любовь». Николай Михайлович приходил в нашу комнату в огромной коммуналке и они с мамой правили друг друга. Иногда ругались, так как оба были людьми весьма темпераментными, но их неизменно примиряли мамины котлеты, которые Любимов обожал. «Тата, ваши котлеты лучшие в мире!»

Я этих котлет тогда в рот не брала и попробовала их лишь лет в восемнадцать, когда помогала маме готовить. Процесс показался мне вполне аппетитным, и я решила попробовать. Это было прекрасно! Воспользуюсь случаем и приведу здесь рецепт, вполне мною усвоенный.

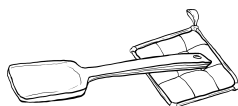

Берем нежирную говядину, белый хлеб, лук, соль и черный перец. Собственно, все вполне обычно. Но... Ни в коем случае не класть яйцо. Лук пропустить через мясорубку. Обязательно

добавить в фарш немного воды, можно той, в которой вымачивали хлеб. Хлеба не должно быть много. И в каждую котлету непременно запендюрьте кусочек сливочного масла или кусочек льда! И, разумеется, обваляйте их в сухарях.

Котлеты у вас будут пышные, сочные, пальчики оближете, гарантирую! И не бойтесь, они не развалятся.

Николай Михайлович Любимов, помимо всех своих литературных талантов был человеком весьма остроумным. Чего стоили его дарственные надписи на книгах! Когда после многолетних запретов вышел в свет блистательный Рабле, «Гаргантюа и Пантагрюэль», он написал на подаренном экземпляре: «Шесть лет в непроглядной гослитовской мгле томился великий писатель Рабле, но свеялись тучи с его горизонта, и вот он уже на столе у Вильмонта». На титуле «Мадам Бовари» стояло «Из пушки по потаскушке!». А на томе французского писате-

ля Лану: «Я приравниваю Лану к фиолетовому г...!», и уж не помню на какой книге он написал: «Скотам и хамам, милым Тате и Коле Вильямам, от которых я вместо книг получаю множество фиг!»

И моя мать, и Николай Михайлович были отчаянными матерщинниками, но у них это звучало элегантно и забавно.

Сын Николая Михайловича Боря, Борис Николаевич, ныне директор Бахрушинского музея*, которого я нередко вижу на канале «Культура», как-то в конце 60-х, будучи у нас в гостях, безмерно восхищался песнями Высоцкого. Мы их еще почти не знали тогда. Боря со всем энтузиазмом юности взялся нас просвещать. А поскольку дело было на даче в Эстонии и кассету взять было негде, то он просто сам исполнял эти песни, к великому ужасу и смущению своей мамы Маргариты Романовны. Сказать по правде, вокалистом я бы его не назвала, но именно с его подачи полюбила и в полной мере оценила Высоцкого.

---

* С 2003 по 2007 гг. (*Примеч. ред.*)

И еще один забавный случай, связанный с Борей. Мы в очередной раз переезжали и Боря был наряду с другими молодыми людьми призван помогать упаковывать книги. Он взялся за дело с завидным рвением, но связки разваливались тут же. Он вздыхал, охал, но потом рассказал, что в армии старшина, поглядев, как Боря справляется с какими-то солдатскими обязанностями, констатировал со вздохом: «Х... цена твоей работе, Любимов!»

Мы жили в гигантской коммунальной квартире. Я в комнате с бабушкой, а родители отдельно. Конечно, я стремилась как можно больше торчать у родителей, но они работали дома и пребывание там я воспринимала как настоящий праздник.

Чтобы войти в комнату, надо было преодолеть высоченный порог. Слева у самого порога стояла голландская печка, возле которой всегда лежали дрова на железном листе. От двух окон вечно дуло, несмотря на двойные рамы, между которыми зимой клали вату. У многих соседей эту вату посыпали мелко нарезанной цветной